

18+



Ксения Мур

В погоне за призраком

«Издательские решения»

Мур К.

В погоне за призраком / К. Мур — «Издательские решения»,

«У каждого призрака есть имя. У каждого греха — свой белый бант». Четырнадцать лет назад в Ростове маньяк забрал сестру-близняшку Саши Ткач. Сегодня Саша, сосланная за строптивый характер в архив СК Вологды, понимает: зверь вернулся. В городе исчезают девочки. Монстр — расчетливый чиновник и образцовый отец — крадет девятилетнюю Леру, точную копию Саши в детстве. Чтобы спасти ребенка и победить свой главный кошмар, Саше нужно вернуться на родину и встретить палача своей семьи один на один.

© Мур К.

© Издательские решения

Содержание

Гена	8
*****	12
Геннадий	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В погоне за призраком

Ксения Мур

© Ксения Мур, 2026

ISBN 978-5-0071-0043-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Чудовища больше не прячутся под кроватями — они выросли, надели галстуки, научились вежливо придерживать двери и заводить дружбу с нашими детьми».

Комната тонула в густом, как болотная жижа, тумане. Повзрослевшая Александра шла на слабый огонёк, раздвигая руками холодный, липкий воздух.

Из серой мглы навстречу ей вышла девочка. Сердце Александры пропустило удар: на неё смотрели её собственные, но навеки детские глаза. Это была Настя. Ей было всё так же одиннадцать лет — тоненькая, бледная, в том самом синем платье, в котором её видели в последний раз. Настя не дышала. На её шее синели страшные, тёмные следы.

— Саша, — раздался голосок, похожий на шелест сухой листвы. — Он вернулся. Тот, кто забрал меня. Зверь снова вышел на охоту за маленькими девочками. Защити их.

В то же мгновение сон превратился в удушающую агонию. Пространство вокруг закружилось, сужаясь до размеров тесного, сырого склепа. Воздух наполнился запахом сырой земли и чужого, хриплого дыхания за спиной. Настя вдруг упала на колени, её детские пальцы судорожно вцепились в платье Александры. Глаза девочки наполнились чёрными слезами, а из темноты к ней потянулись уродливые, костлявые тени.

— Саша, мне так холодно! Спаси меня! Пожалуйста, вытащи меня отсюда! — отчаянно закричала Настя, пока тьма утаскивала её на дно.

Александра рванулась вперёд, крича от бессилия, но пальцы скользнули по пустоте.

Она резко распрямилась на кровати, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось в груди, готовое пробить рёбра. Рубашка насквозь промокла, а по спине струился ледяной, липкий пот. В пустой тёмной комнате стояла звенящая, зловещая тишина.

Светящиеся цифры на прикроватных часах безжалостно резали темноту — ровно два часа ночи. Александра резко села, пытаясь унять дрожь, но остатки жуткого сна всё ещё стояли перед глазами, лишая малейшей надежды снова уснуть. В попытке сбежать от удушливых мыслей она заметалась по комнате, сделала несколько нервных шагов из угла в угол, а затем бессильно повернулась к той половине кровати, где обычно спал Дима.

Одеяло там было холодным и гладким. Пустота обожгла её одиночеством. Майор в эту ночь заступил на дежурство, и осознание того, что он сейчас на смене, сделало её тоску невыносимо тяжёлой, почти осязаемой.

Саша снова заметалась по тёмной квартире. Не находя себе места, она пошла на кухню. Квартира встретила её зловещими звуками, на которые днём никто не обратил бы внимания: Натужно, словно старик, хрипел и вздрагивал старый холодильник в углу. За окном уныло выл ветер, заставляя ржавый отлив мерно биться о подоконник: тук... тук... тук... Старый кран на раковине выдавал раздражающий, ритмичный стук, похожий на обратный отсчёт бомбы. Движения были механическими: включить чайник, насыпать зёрна, заварить крепкий, горький кофе, чей аромат обычно успокаивал, но только не сейчас. До рассвета оставалась целая вечность.

Чтобы заглушить звенящую ночную тишину, она негромко включила телевизор. Экран вспыхнул холодным синеватым светом, и из динамиков раздался строгий голос ведущего экстренных новостей. Сюжет бил наотмашь: в городе одна за другой бесследно исчезли две маленькие девочки — десяти и двенадцати лет.

В ту же секунду Сашу словно пронзило мощным разрядом электрического тока. Кровь застыла в жилах, а чашка едва не выскользнула из онемевших пальцев. Мозаика ужаса мгновенно сложилась в её голове. Ошибки быть не могло: это опять он. Тот самый монстр, призрак из далёкого прошлого, который когда-то забрал её сестру-близняшку, снова вышел на охоту.

Чашка с горьким, уже остывшим кофе сиротливо стояла на краю полированного стола, а Александра всё всматривалась в серую предутреннюю дымку за окном. В её голове, сокрушая остатки рационального следовательского мышления, укоренялась одна-единственная, безумная мысль.

Она начала сомневаться, что кошмар был просто сновидением. Это не было игрой воспалённого ума или банальной утренней галлюцинацией от недосыпа. Леденящие синие следы на детской шее Насти, её шёпот, похожий на шелест сухой листвы, и это отчаянное «Он вернулся... Зверь снова вышел на охоту» — всё казалось слишком осязаемым, слишком пронзительным. Это было реальное, мистическое предупреждение. Настя пришла к ней из небытия не для того, чтобы напугать. Она пришла, чтобы успеть спасти тех, у кого ещё есть шанс.

Лишь около шести часов утра, когда небо за окном начало окрашиваться в блеклые пепельные тона, измученная Александра наконец забылась тяжёлым, тревожным сном. Но передышка оказалась мимолётной. Уже в семь тишину спальни безжалостно разорвал резкий звон будильника. Девушка никак на него не отреагировала — сознание, скованное свинцовой усталостью, наотрез отказалось возвращаться в реальность. Чуть позже тишину нарушил уже другой звук — настойчивая трель мобильного телефона. Это звонил Дима. Прекрасно зная её давнюю и взаимную любовь к чарам Морфея, а также способность сладко спать вопреки любым сиренам, майор решил лично удостовериться, что всё в порядке. На том конце провода он ждал услышать сонный голос и убедиться, что его Сашка уже поднялась и вовсю собирается на работу.

Звук вибрирующего телефона на прикроватной тумбочке казался Саше оглушительным, словно удары набата. Она резко вынырнула из тяжёлого забытья, и сердце тут же зашлось в бешеном, рваном ритме. На экране светилось имя Димы.

Саша замерла на несколько секунд, глядя на мигающий дисплей. В горле пересохло, грудная клетка ходила ходуном, а выдохи вырывались со свистом — паника, зародившаяся ночью, всё ещё крепко держала её в своих ледяных тисках. Ей нужно было ответить прямо сейчас, но в таком состоянии выдавать себя было нельзя. Дима — опытный сыщик, он мгновенно считает любой фальшивый обертон, любую лишнюю паузу.

Она судорожно сглотнула скопившуюся слюну, зажмурилась и сделала один глубокий, медленный вдох через нос, силой заставляя расправляющиеся лёгкие унять дрожь. Мышцы лица свело от напряжения, когда она попыталась придать губам маску спокойствия. Словно на опережении, Саша заблокировала внутренний ужас, вывела дыхание на ровный, пускай и слегка хриплый регистр, и только тогда провела пальцем по экрану.

— Да, Дим, привет, — произнесла она, отчаянно контролируя каждую связку, чтобы голос звучал привычно, по-утреннему лениво, скрывая подступающий к горлу удушливый ком, потирая воспалённые от недосыпа глаза. — Почти встала. Уже собираюсь.

— Голос сонный, Саш. Опять полночи новостные сводки читала? — в трубке послышался его усталый, но такой родной и тёплый смешок. Однако за этой мягкостью Саша сразу уловила едва заметную, тяжёлую ноту.

Саша промолчала, и эта пауза затянулась на долю секунды дольше, чем следовало. Дима, с его обострённым следовательским слухом, мгновенно уловил эту заминку. На том конце провода воцарилась чуткая, напряжённая тишина.

— Саш? Ты тут? — его тон мгновенно изменился, потеряв утреннюю мягкость. — Ты какая-то странная. Всё точно в порядке? В этот момент Александра перевела взгляд на пустую, холодную подушку Димы. Одиночество квартиры навалилось на неё с новой силой. Её правая рука, лежавшая на постели, судорожно зарылась в ткань. Пальцы сжались так сильно, что ногти до боли вонзились в ладонь, а простыня затрещала, сминаясь в тугой, изуродованный узел. Это был её единственный способ удержать крик, рвущийся наружу, и не дать голосу дрогнуть. Она физически цеплялась за эту простыню, как за спасательный круг, пытаясь остаться в реальности и не провалиться обратно в липкий ужас ночного кошмара.

— Да, Дим, просто... — Саша заставила себя выпустить ткань и сглотнула сухой ком в горле. — Просто не выспалась. Погода, наверное, меняется. За окном туман такой.

— Туман, говоришь? — Дима медленно вздохнул, и Саша почти физически почувствовала, как он нахмурился в своём рабочем кабинете. — Саш, ты новости утренние видела? Про пропавших девочек в Вологде? Этот вопрос ударил наотмашь. Саша снова замерла, её взгляд намертво пригвоздило к экрану выключенного телевизора, в чёрном глянце которого отражалось её бледное лицо. Пальцы опять потянулись к смятой простыне, судорожно сминая её в кулак.

— Видела, — тихо, почти шёпотом ответила она, делая слишком глубокий, рваный вдох. — Две девочки. Десять и двенадцать лет.

— Вот именно, — голос майора стал сухим и жёстким. — И ты реагируешь на это слишком остро. Я же слышу, как у тебя дыхание перехватило. Твой голос... ты так говорила только тогда, в убийном, когда мы выезжали на самые тяжёлые висяки. Саш, пообещай мне, что ты не думаешь ни о чём глупом. Это просто очередное дело нашего отдела, мы разберёмся. Слышишь меня?

Дима вздохнул, и его тон мгновенно изменился на сугубо деловой. — Ладно, признаюсь, я звоню не только ради контроля. Извини, но сегодня вечером я тоже вряд ли приду вовремя. Нас всех подняли по тревоге. Моя смена затянулась, и, судя по всему, мы тут надолго.

Саша похолодела, крепче сжав телефон в руке. — Что-то случилось? — тихо спросила она, хотя сердце уже знало ответ.

— Помнишь, в утренних новостях передавали про исчезновение двух девочек? — голос майора стал сухим и жёстким, каким бывает только на допросах. — Так вот, это дело передали нашему отделу. Всю ночь мы стояли на ушах, искали зацепки. Ситуация дрянь, Саш. Девочки словно сквозь землю провалились. Слова Димы ударили наотмашь. Сон, ночные новости и реальность сплелись в один тугой, удушающий узел. Кошмар, от которого она так отчаянно пыталась откrestиться, прямо сейчас становился частью её настоящей жизни.

Слова Димы окончательно разрушили иллюзию спокойствия. Саша поняла, что не сможет просто сидеть в душном архиве Следственного комитета, перебирая пыльные папки, пока тот самый монстр крадёт чужих детей. Прошное, от которого она так тщательно бежала, настигло её само.

Гена

Он родился хмурым, душным осенним рассветом в глухой провинции, и с первой секунды своей жизни оказался никому не нужен. Мать, измученная и озлобленная женщина, видела в кричащем младенце лишь обузу, разрушившую её молодость. В их маленькой, пропахшей перегаром и сыростью комнате на окраине города никогда не было детского смеха. Вместо колыбельных мальчик рос под грохот пьяных скандалов и тяжелые шаги сменявших друг друга сожителей матери.

Его никто не обнимал. Напротив, за малейшую провинность — пролитый суп, слишком громкий плач или просто за то, что попался под горячую руку — его жестоко наказывали. Мать могла запереть его на целые сутки в тёмном, холодном чулане среди пыльных мешков и старых вещей. Там, в абсолютной темноте, под шорох мышей, в маленьком ребенке начал зарождаться липкий, первобытный ужас.

Именно тогда его разум, пытаясь защититься от безумия, стал выстраивать собственные, уродливые ментальные стены. В темноте чулана он научился не плакать. Он научился затаивать дыхание и ненавидеть весь этот грязный, кричащий и бьющий его мир.

Когда ему исполнилось шесть, в доме появился отчим — грубый, деспотичный мужчина, работавший забойщиком на скотобойне. С его приходом жизнь мальчика превратилась в ад. Отчим считал пасынка «хлюпиком» и воспитывал его с особой, садистской жестокостью. Избиения стали ежедневным ритуалом. Ребёнка морили голодом, заставляли часами стоять на коленях на сухом горохе лицом к стене.

Но самое страшное произошло, когда отчим впервые взял семилетнего мальчика с собой на работу. Запах свежей крови, хрипы умирающих животных и абсолютное, легальное насилие взрослых мужчин над беззащитными существами произвели на неокрепшую психику ребенка тектоническое давление. Там, среди кафельных стен, залитых багровой жижой, он впервые осознал: мир делится только на хищников и жертв. Тот, у кого в руках нож — управляет чужой жизнью, болью и страхом. К восьми годам мальчик стал абсолютно замкнутым. В школе его сторонились: он никогда не улыбался, часами сидел неподвижно, уставившись в одну точку, и терпел издевательства одноклассников с пугающим, мертвым спокойствием. Но внутри него уже вовсю кипела скрытая, извращенная ментальная работа.

Он начал искать свой способ контролировать реальность. Примерно в десять лет этот глухой, подсознательный интерес наконец оформился во вполне осознанную и страшную мысль. Он понял, что можно. Можно переступить черту, которую никто из его окружения переступать не решался. Всё началось на пустыре за домом. Сначала это были бездомные котята и птицы с перебитыми крыльями. Но он не просто убивал их из злости, как делали другие жестокие подростки. Нет, в его действиях проснулся холодный, исследовательский интерес. Он зажимал им лапы, заклеивал мордочки старой изолентой, чтобы они не могли кричать, и часами наблюдал, как в их глазах угасает жизнь. В эти минуты, держа в руках крошечное бьющееся сердце, десятилетний мальчик впервые в жизни чувствовал себя богом. Он больше не был забитым ребенком из чулана. Он был хозяином чужой судьбы. Именно тогда, на этом заброшенном пустыре, в его больном разуме зародилась извращенная концепция «чистоты».

Он заметил, что перед самой смертью, когда животное переставало бороться, его глаза становились кристально чистыми, замирая в вечном, идеальном покое. В них больше не было страха, боли и той грязной реальности, от которой он сам так отчаянно страдал. Эту идею «фиксации чистоты» он пронес через годы, пока однажды, уже работая инспектором экологического надзора, не встретил в Ростове двух маленьких светловолосых сестер с аккуратными белыми бантами.

В извращённой логике маньяка образ маленькой светловолосой девочки с аккуратным бантиком в волосах стал абсолютным материальным воплощением той самой «чистой, идеальной жизни», которой у него самого никогда не было. В его детстве, наполненном грязью, пьяными криками отчима, побоями и темнотой удушливого чулана, не существовало прекрасного. Единственным светлым пятном из тех лет была старая, пожелтевшая детская книжка сказок — единственная вещь, которую мать не пропила. В ней была иллюстрация: хрупкая золотоволосая девочка в аккуратном платьице с синей лентой в косе, которая улыбалась миру со страницы.

Для забитого, истязаемого десятилетнего мальчика этот образ стал синонимом абсолютной чистоты, недостижимого рая и покоя.

Когда его психика окончательно разрушилась под воздействием работы на скотобойне и первых жестоких опытов на пустыре, этот образ трансформировался в смертоносную фиксацию. В его воспалённом мозгу родилась чудовищная философия: этот мир слишком грязен, порочен и уродлив для таких «ангелов». Рано или поздно они вырастут, столкнутся с жестокостью, их чистота будет осквернена реальностью.

Убивая светловолосых девочек и забирая их глаза, он искренне верил, что совершает сакральный акт спасения. Он «консервировал» их идеальное состояние на самом пике, навсегда освобождая от страданий и фиксируя их чистоту в вечности. Синий или белый бант на голове жертвы был для него финальным штрихом автора, подписью под картиной, подтверждающей, что ритуал очищения завершён

До своего перевода в архив Александра была одним из лучших следователей по тяжким и особо тяжким делам. Она ушла с передовой следствия всего год назад — после того, как вплотную подобралась к другому серийному убийце и едва не заплатила за это собственной жизнью. Не след от раны, а застывший миг: ощущение, будто весь мир схлопнулся до тяжести чужих рук и пронзительного, оглушительного ужаса до сих пор напоминал о себе, но сейчас личная травма отступила перед старой, незаживающей раной. Воспоминания об одиннадцатилетней Насте, которые она годами пыталась притупить, вспыхнули с новой, яростной силой. Она знала почерк убийцы. Она помнила детали, которых не было ни в одном официальном отчёте.

Саша быстро оделась, на ходу допивая остывший кофе. Её план созрел мгновенно: она приедет к Диме в отдел под предлогом того, что привезла ему обед или чистую рубашку, и попытается разузнать любые подробности нового дела. Ей нужны были зацепки — имена, места исчезновения, время.

Официально её никто не подпустит к расследованию, но статус бывшего следователя по особо тяжким и доступ к архиву СК давали ей уникальное преимущество. Александра решила начать собственное, параллельное расследование. Используя свои старые воспоминания, интуицию и аналитические навыки, она собиралась пройти по следу призрака из прошлого. И на этот раз она была готова идти до конца, чего бы ей это ни стоило.

Через час Александра уже входила в здание отдела. Знакомый запах дешёвого кофе, сигаретного дыма и казённой бумаги мгновенно всколыхнул внутри прежние следовательские инстинкты. В руках она держала пакет с контейнерами и свежей рубашкой — её официальный повод для визита.

Дима сидел в своём кабинете, заваленному рапортами, и хмуро изучал разложенные на столе фотографии. На стене позади него висела маркерная доска с картой Вологды, первыми ориентировками и цепочкой дат. Пока майор устало тёр переносицу, цепкий взгляд Александры мгновенно зафиксировал ключевые точки. Две красные кнопки вонзились в спальные районы города. Девочки десяти и двенадцати лет. Всё сходилось с ужасающей точностью, только теперь это происходило здесь, в Вологде.

— Сашка? Ты что здесь делаешь? — Дима удивлённо поднял голову, и в его глазах мелькнула мгновенная тревога.

— Привезла тебе поесть. Ты же с ночи голодный, — она постаралась улыбнуться как можно естественнее, ставя пакет на край стола и делая шаг в сторону доски, словно случайно.

Но обмануть опытного оперативника было непросто. Дима резко поднялся, перехватил её за талию и мягко, но настойчиво развернул спиной к улкам. Его взгляд стал пронзительным и строгим. Он слишком хорошо помнил, чем закончилось её последнее дело, и этот слишком пристальный, оценивающий взгляд Саши, выискивающий детали, заставил его сердце сжаться.

— Саш, спасибо за заботу, но давай договоримся, — тихо, но твёрдо сказал он, заглядывая ей в глаза. — Ты ушла из убойного. Ты в архиве. Обещай мне, что ты просто привезла обед и сейчас уедешь. Пожалуйста. Не ввязывайся в это. Здесь пахнет настоящим кошмаром, и я могу и не успеть тебе помочь, если с тобой снова что-то случится.

Саша послушно кивнула, соврав ему в глаза самым убедительным из своих кивков, и поспешила уйти, пока майор не считал её истинные намерения.

Уже через полчаса она была на своём рабочем месте — в полуподвальном, прохладном архиве Следственного комитета. Обычная рутинная работа была забыта. Александра села за компьютер, вошла в закрытую ведомственную систему под своим старым, ещё действующим спецдоступом и застучала по клавишам.

Мозаика в её голове наконец-то начала складываться. Этот монстр никогда не сидел на месте — он перемещался по стране, замечая следы и выжидая годы перед новой охотой.

Сначала была Рязань, где несколько лет назад так же бесследно исчезали дети. А в самом начале этой кровавой цепочки стоял Ростов. Четырнадцать лет назад. Настя.

Руки девушки слегка дрожали, когда она сформировала официальный, но замаскированный под рядовую проверку запрос в Ростовский областной архив. Саша затребовала все засекреченные тома по нераскрытым делам об исчезновении маленьких девочек четырнадцать лет назад, включая глухое, покрытое пылью дело её сестры-близняшки. Следом она отправила такой же секретный запрос по Рязанскому региону. Александра понимала, что официально нарушает все инструкции, но маньяк уже открыл сезон охоты здесь, в Вологде, и время работало против неё.

Экран старого архивного компьютера тускло освещал бледное лицо Александры. Когда из Ростова и Рязани наконец пришли засекреченные файлы, она принялась построчно сравнивать сухие милицейские и следовательские протоколы. Спустя два часа непрерывной работы её сердце пропустило удар. Перед ней лежал жуткий, выверенный годами кровавый почерк: Типаж жертв: Все без исключения девочки были хрупкими, светловолосыми и носили аккуратные бантики в волосах. Точно такие же, как её Настя четырнадцать лет назад. Особая жестокость: В тех случаях, когда тела всё же находили, картина ужасала. Убийца раздевал девочек, душил их, а затем выкалывал жертвам глаза, словно не хотел, чтобы они заглядывали ему в душу даже после смерти. Метка зверя: На бледной коже несчастных эксперты фиксировали глубокие, яростные следы от укусов. Идеальное алиби перед ищейками: Каждый раз на место преступления вызывали кинологов, но служебные собаки лишь беспомощно кружили на месте. Опытный маньяк явно обрабатывал тела жертв и собственную обувь специальным химическим раствором, напроочь уничтожающим любой человеческий запах.

Экран архивного компьютера моргнул, и на дисплее открылся оцифрованный план их старого ростовского двора, прикреплённый к первому тому уголовного дела четырнадцатилетней давности. Александра в полумраке вологодского подвала приблизила изображение, всматриваясь в зернистые чёрно-белые снимки, сделанные экспертом-криминалистом. На одном из фото была запечатлена та самая деревянная скамейка у покосившегося забора. Чуть поодаль, в правом углу кадра, виднелись густые заросли акации, а за ними — чётко очерченный пятючок свободной земли. Саша перевела взгляд на схему осмотра места происшествия. В графе

«Особые отметки» следователь Ростова тогда небрежно зафиксировал: «За кустами акации обнаружены глубокие вмятины на грунте, характерные для длительного стояния автомобиля, а также окурки редкой марки сигарет».

В эту секунду в её сознании словно сработал скрытый детонатор. Внутри всё похолодело, а дыхание перехватило от страшной, леденящей душу догадки. Это не было случайным, спонтанным похищением. Монстр не просто шёл мимо и увидел Настю. Он сидел там, в своей машине за кустами акации, неделями. Он караулил их обеих. Для его извращённого, больного разума две одинаковые светловолосые девочки с аккуратными бантиками стали навязчивой идеей. Он изучал каждый их шаг, знал время их игр, знал, когда мама зовёт их ужинать.

Саша почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот, когда мозаика его безумной логики окончательно сложилась в её голове. Маньяк выбрал её. Именно её, Александру, но с самого начала уготовил ей совершенно иную, изощрённую роль. Тот предгрозовый июньский вечер, когда мама позвала её занести пустые банки, стал для него лишь удобным триггером. Уводя Настю без шума и криков, он умышленно оставил на скамейке любимую заколку сестры. Это был его первый, осознанный подарок для Саши.

Он выбрал Сашу на роль своего самого преданного, вечного зрителя. Убийца изначально хотел, чтобы выжившая сестра-близняшка до конца дней несла на себе неподъёмный крест вымышленной детской вины. Он упивался мыслью, что Саше придётся смотреть в гроб на собственное лицо. И все эти четырнадцать лет, пока она росла, ломала себя, шла работать в убойный отдел и маниакально искала серийников, он неотступно следовал за ней. Каждое её раскрытое дело, каждый шрам на её теле были частью его извращённой режиссуры. Он возвращал её, как свой главный, финальный трофей.

Саша медленно опустила руки на стол, её пальцы в латексных перчатках мелко дрожали. Она поняла, что её перевод в Вологду, её мнимое спокойствие в архиве — всё это было лишь временным затишьем перед его финальным аккордом. Чудовище приехало сюда не просто за новыми девочками. Он приехал за ней. И её ночной кошмар был не игрой воображения, а предчувствием неизбежного финала их четырнадцатилетней смертельной игры.

Пока Саша с леденящим душу восторгом следователя сопоставляла эти жуткие детали, на другом конце города, в кабинете убойного отдела, на мониторе Димы вспыхнуло красное системное уведомление. Автоматическая служба безопасности МВД зафиксировала подозрительную активность. Кто-то из Вологды с помощью старого спецдоступа ведомственной базы прямо сейчас настойчиво и глубоко копался в закрытых архивах Ростова и Рязани. Интуиция опытного майора мгновенно забила тревогу. Обычные оперативники работали по местным ориентировкам, и только один человек в этом городе имел личные, сочащиеся кровью счёты с прошлым и умел так профессионально работать с архивными томами. Дима нахмурился, чувствуя, как внутри всё сжимается от недоброго предчувствия. Сашка его обманула. Она не пошла домой. Она снова ступила на след монстра.

Гена

Геннадий Рыков с малых лет понял главную и самую суровую истину своего существования: этот мир не прощает слабости, а его никто и никогда не защитит. Проводя часы в холодном, тёмном чулане, куда его затирала мать, и получая побои от отчима, десятилетний мальчик сделал хладнокровный, почти взрослый вывод — Чтобы не просто выжить, а жить хорошо, свободно и, главное, никогда не попадаться, ему нужна была безупречная маскировка.

А лучшая маскировка в обществе — это статус, уважение и ум. Рыков быстро осознал: если он хочет стать невидимым для закона и иметь ресурсы для воплощения своих скрытых замыслов, ему жизненно необходимо учиться лучше всех. Не ради похвалы учителей, до которых ему не было дела, а ради практической выгоды. Единственным шансом вырваться из нищеты и получить независимость от ненавистной семьи было поступление в престижный вуз на бюджет.

Деньги отчима ему не светили, надеяться приходилось только на собственную голову. С этого момента его учеба превратилась в выверенную спецоперацию. На смену замкнутому, забитому мальчику пришёл идеальный, въедливый отличник. Пока ровесники гоняли мяч во дворе, Геннадий часами сидел за учебниками, проявляя фанатичную целеустремлённость. Но настоящей страстью, переросшей в глубокое увлечение, для него стали три дисциплины: химия, биология и программирование.

Химия заворожала его своей абсолютной предсказуемостью и властью над материей. На уроках и в школьном кружке он с жадностью впитывал знания о реакциях, растворителях и реагентах. Ему нравилось, что с помощью правильно подобранной формулы можно растворить, изменить или законсервировать что угодно. Именно тогда в его голове начали закладываться первые идеи о создании того самого химического состава на основе формалина и аммиака, который годы спустя станет его идеальным оружием против служебных собак и уничтожит любые ольфакторные следы.

Биология дала ему понимание анатомии, человеческого тела и природы жизни. Он с филигранной точностью изучал устройство нервной системы, физиологию и реакцию организма на препараты. Для него живой организм стал сложным механизмом, который можно изучить, подчинить или вовремя «остановить» на самом пике, зафиксировав ту самую мнимую чистоту.

Программирование стало его третьим, решающим козырем. В конце девяностых и начале двухтысячных, когда цифровой мир только набирал обороты, Рыков одним из первых понял потенциал виртуального пространства. Самостоятельно, по дореволюционным самоучителям и в компьютерных классах, он освоил шифрование, работу с базовыми сетями и алгоритмы. Он понял: тот, кто разбирается в коде, может управлять чужими данными, пускать полицию по ложному следу, подделывать GPS-координаты и скрывать свое присутствие в сети.

Эта триада наук сформировала из Рыкова не импульсивного психа, а опаснейшего, математически расчётливого интеллектуала. Окончив школу с золотой медалью, он без труда, набрав высшие баллы, поступил на бюджетное отделение биохимического факультета, открыв себе прямую дорогу в структуру экологического надзора. Его детская стратегия сработала безупречно: отличная учеба дала ему идеальную работу, государственную форму и абсолютную неприкосновенность, за которой он четырнадцать лет скрывал своего внутреннего зверя.

Университетская лаборатория органической химии в вечерний час погружалась в особое, почти мистическое затишье. Когда остальные студенты-бюджетники разбегались по общежитиям, Геннадий Рыков оставался. Как лучший студент курса и лаборант-совместитель, он

выбил себе право задерживаться после занятий под предлогом подготовки научной работы по синтезу антисептических растворов. Преподаватели гордились усердным тихоней-отличником. Они и не подозревали, чем на самом деле занимался Рыков, когда затворял за собой тяжёлую дубовую дверь.

В полумраке лаборатории, под ровный гул вытяжного шкафа, Геннадий надевал защитные очки и плотные резиновые перчатки. Перед ним в штативах тускло поблёскивали мерные колбы. На столе аккуратно стояли реагенты: концентрированный формалин, изопропиловый спирт, соединения аммиака и несколько сложных эфиров. Рыков работал с филигранной, почти хирургической точностью. Отмеряя миллилитры с помощью пипетки, он смешивал компоненты, внимательно наблюдая за реакцией. В колбе закипала прозрачная, но маслянистая жидкость, распространяя въедливый, режущий глаза запах. Это была не просто научная задача — в этой смеси рождался его будущий смертоносный почерк.

Первый тест он решил провести прямо на территории университета. У лабораторного корпуса часто крутилась сторожевая овчарка, которую подкармливали вахтёры. Собака обладала феноменальным чутьём. Рыков нанёс несколько капель свежесваренного раствора на кусок сухой ткани и вынес на задний двор. Натерев этой тканью подошвы своих ботинок, он прошёл по асфальту и встал неподалёку в тени, наблюдая. Вахтёр, ничего не подозревая, свистнул овчарке и шутя дал команду искать. Собака привычно побежала по следственному пути, но, добравшись до места, где ступал Рыков, резко замерла. Овчарка начала испуганно мотать головой, фыркать и тереть морду лапами. Её чуткий нос словно заблокировало: химическая смесь мгновенно парализовала ольфакторные рецепторы, уничтожая любой человеческий запах. Собака беспомощно закружилась на месте, скуля от дезориентации. Рыков стоял в тени навеса, и на его губах впервые затаилась холодная, торжествующая улыбка. Формула работала безупречно.

Вернувшись в лабораторию, он аккуратно занёс результаты эксперимента в свой зашифрованный цифровой дневник. Теперь у него было не только преимущество в интеллекте, но и химическое оружие, делающее его невидимым для ищеек. До его первого выезда в Ростов и встречи с Настей Ткач оставалось совсем немного времени.

Вечерняя Вологда утопала в сумерках, когда Дима, едва сдерживая ярость, резко затормозил у дома. Он влетел в квартиру, тяжело дыша.

Александра сидела за столом, заваленным распечатками архивных дел. Дима с ходу навис над ней, его голос срывался на хрип:

— Ты что творишь, Саш?! Я же просил тебя по человечески! Какого чёрта ты залезла в базы Ростова и Рязани под старым доступом? Ты хоть понимаешь, что тебя под трибунал пустят? А если этот ублюдок поймёт, что под него копают, и придёт за тобой?! Твоё последнее дело тебя ничему не научило?! Ты чуть не погибла!

Саша подняла на него воспалённые, но абсолютно твёрдые глаза. Она хотела ответить, доказать ему свою правоту, но в этот самый момент тишину квартиры разорвал резкий, требовательный звонок Диминого рабочего мобильного.

Майор, не сводя злого взгляда с Саши, вырвал телефон из кармана и нажал на приём:

— Слушаю. Да, майор Соболев. Что?!

Лицо Димы мгновенно побледнело, а ярость сменилась леденящим ужасом. Сашина следовательская интуиция закричала внутри на полную мощность: случилось непоправимое.

— Понял. Выезжаю, — глухо бросил Дима в трубку и медленно опустил руку.

— Что там? — тихо, едва дыша, спросила Саша.

Дима посмотрел на неё, и в его глазах отразилась вся тяжесть убийного отдела.

— Очередной звонок. На окраине Вологды, в заброшенном парке, нашли страшную улику. Твой маньяк прислал нам «привет». Прямо на ветке старого клёна кто-то аккуратно

повязал окровавленный детский бантик. Служебная собака снова кружится на месте и чихает — земля вокруг залита едкой химией. Он знает, что мы его ищем, Саш. И он начал игру.

— Я еду с тобой! — Саша резко поднялась со стула, её голос сорвался на отчаянный крик. — Ты не понимаешь, Дима! Четырнадцать лет назад в Ростове... это была моя сестра. Моя близняшка Настя! Это её он забрал! Дима замер у самого порога, оглушённый этим признанием. Рука майора, уже лежавшая на дверной ручке, бессильно опустилась. Он медленно повернулся к Александре.

В комнате повисла звенящая, удушливая тишина.

— Что ты такое несешь, Саш?.. — глухо спросил он, всматриваясь в её бледное лицо. — Это случилось в Ростове, в июне, — Сашу затрясло, из глаз брызнули обжигающие слёзы, которые она сдерживала столько лет. — Нам было по одиннадцать. Был душный, предгрозовоый вечер, совсем как сегодня. Мы играли во дворе нашего дома. Мама позвала меня буквально на пять минут — занести домой пустые банки. Настя осталась на скамейке. У неё в волосах был огромный атласный белый бант...

Саша судорожно глотнула воздух, её пальцы до белых костяшек впились в край стола. — Когда я спустилась, её уже не было. На скамейке осталась только её любимая заколка. Ни криков, ни шума — он увёл её за секунды. Полиция искала её месяцами. Собаки потеряли след прямо у дороги — эксперты тогда решили, что её посадили в машину, но теперь-то я знаю! Он залил всё химией, Дим! Настю нашли только через полгода в лесополосе за городом. Раздетой. Задушенной. Без глаз... И с укусами на плече. Я хоронила собственное лицо, Дима! Нас считали каплями воды, я смотрела в гроб и видела там себя!

Её голос прервался на удушливый всхлип, но она заставила себя продолжить, вываливая на него всю скопившуюся в душе черноту: — Но самое страшное случилось потом. Мама с папой... они не выдержали этого ужаса. Когда они ехали обратно с опознания Настинного тела, отец от горя и слез просто не справился с управлением. Их машина на полной скорости влетела под фуру. Они оба разбились насмерть в тот же день.

Тот ублюдок одним махом уничтожил всю мою семью. Из всех нас в живых остались только я и моя старенькая бабушка, которая заменяла мне и мать, и отца. Этот монстр отнял у меня детство, родителей и сестру! И ты хочешь, чтобы я сейчас осталась дома?!

В глазах Димы промелькнуло глубокое сострадание, смешанное с ужасом. Пазл в его голове наконец-то сложился: он понял, почему Саша когда-то пошла в убийный отдел, почему так маниакально искала серийников и откуда в ней эта выжигающая изнутри пустота. Но страх за её жизнь и глухая стена профессионального долга взяли верх.

— Саш... мне жаль, правда, — его голос стал холодным как лёд, маска оперативника вернулась на лицо. — Но именно поэтому я тебя никуда не возьму. Ты лицо заинтересованное, тебя близко к делу не подпустят. К тому же ты чуть не погибла год назад! Ты психологически нестабильна. Я не позволю тебе стать следующей жертвой. Прежде чем Саша успела сделать шаг, Дима рванул к выходу.

Он выскочил в коридор, захлопнул тяжёлую входную дверь и дважды провернул ключ в замке снаружи. — Посиди дома и остынь! — донёсся его приглушённый крик, а следом — стремительно удаляющиеся к лифту шаги. Майор уехал на вызов в одиночку. Но Дима недооценил прыть Александры. Она не собиралась послушно сидеть взаперти, пока убийца её сестры и разрушитель её семьи оставляет кровавые метки в Вологде. Дрожащими руками она вытащила из потайного кармана сумки запасной комплект ключей, отперла замок и бросилась вниз, к такси. Она должна была успеть в заброшенный парк до того, как криминалисты вытопчут все следы.

Такси затормозило у растрескавшегося бордюра на самом отшибе города. Александра расплатилась и скользнула в глухую тень старых деревьев заброшенного парка, на ходу пряча телефон.

Впереди, сквозь густые заросли кустов, уже пробивались резкие лучи дальнего света — патрульные машины, только что прибыли на место. Слышались глухие хлопки автомобильных дверей, мужские голоса и треск раций. Саша, двигаясь бесшумно и осторожно, как её учили, пошла в обход оцепления. Она знала, что Дима со своей группой сейчас сосредоточен на клёне у центральной аллеи, где и нашли окровавленный бант. Саша углубилась в самую тёмную, дикую часть парка, пробираясь сквозь заросли сирени. Ноги вязли в сырой траве, а в воздухе стоял тяжёлый, удушливый запах, от которого запершило в горле — та самая едкая химия, уничтожающая следы. Собаки здесь были бесполезны, но у Саши было то, чего не имелось у ищеек: личная ментальная связь с этим делом.

Она интуитивно искала то, что официальное следствие могло пропустить. Вдруг её взгляд зацепился за странный силуэт в паре десятков метров от основного места осмотра. На старой, полуразрушенной кирпичной арке, когда-то бывшей входом вглубь парка, что-то тускло белело. Саша затаила дыхание, прижалась спиной к дереву и переждала, пока луч фар патрульного УАЗа скользнёт мимо. Как только свет ушёл, она рванулась к арке. На уровне её глаз в кирпичную кладку был намертво вбит длинный, ржавый гвоздь. К нему на грубой бечёвке крепился небольшой полиэтиленовый зип-пакет. Александра включила карманный фонарик, прикрывая ладонью стекло, чтобы выдать лишь тонкий луч света. Внутри пакета лежал предмет, от вида которого у неё мгновенно перехватило дыхание, а по спине пробежал ледяной пот. Это была старая, пожелтевшая от времени газетная вырезка из ростовской хроники четырнадцатилетней давности. На ней была напечатана фотография маленькой Насти под заголовком: «Пропал ребёнок». Но ужас заключался в другом. Лицо Насти на фото было аккуратно и яростно вырезано лезвием. А прямо поверх порванной газеты углём было размашисто написано всего два слова: «ЖДАЛ ТЕБЯ» Монстр не просто вернулся. Он знал, что повзрослевшая Александра стала следователем. Он знал, что она живет в Вологде. И этот жуткий подарок был оставлен не для полиции, не для майора Соболева, а лично для неё. Охота на неё началась.

Руки Александры дрожали, но следовательская хладнокровность взяла верх. Она сорвала зип-пакет с гвоздя и точным, заученным движением спрятала его во внутренний карман куртки. Решение созрело мгновенно и обжалованию не подлежало. Она продолжит это расследование в абсолютной тайне от Димы. Убийца её сестры — не обычный маньяк, а расчётливый, всеведущий монстр, который разрушил её семью четырнадцать лет назад, а теперь пришёл за ней самой. Втягивать Диму в эту личную вендетту, по её мнению означало подписать ему смертный приговор. Саша слишком любила майора, чтобы позволить призраку из её прошлого забрать ещё и его.

Внезапно эта зловещая тишина мёртвого парка разорвалась. Хруст. В паре метров за её спиной, в непроглядной чаще кустов дикой сирени, отчётливо и тяжело хрустнула сухая ветка. Будто кто-то переступил с ноги на ногу, не рассчитав усилие. Саша мгновенно замерла. Сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось в самые рёбра. Спину обдало неестественным, ледяным жаром. Как опытный следователь, она понимала: это не ветхий тополь под порывом ветра и не бродячая собака. Звук был слишком тяжёлым, антропогенным.

Она не стала оборачиваться — это выдало бы её страх и лишило бы последней защиты. Вместо этого Александра медленно скосила глаза вбок, всматриваясь в лакированное, мокрое от сырости стекло старого информационного щита, стоявшего у тропинки. Физика и оптика ночного парка сработали как зеркало.

В мутном отражении, среди хаоса тёмных ветвей, она увидела его. Чуть левее клёна, полностью сливаясь с чернотой стволов, неподвижно стоял высокий силуэт в тёмной куртке. Капюшон был низко надвинут на лицо, но Саша физически, кожей почувствовал этот пристальный, маниакальный взгляд, направленный прямо ей в затылок.

Монстр не ушёл после того, как оставил бант и записку. Он не испугался прибывшей полиции во главе с майором Соболевым. Он остался здесь, в темноте, чтобы насладиться её

реакцией. Он наблюдал за ней, упиваясь её паникой, и это осознание парализовало Сашу сильнее любого оружия. Игра, в которую её втянули четырнадцать лет назад, продолжалась прямо сейчас, и зверь стоял на расстоянии одного короткого броска.

Где-то совсем рядом, буквально в двадцати метрах, послышался хруст сухих веток. Сквозь темноту парка заметался яркий луч мощного тактического фонаря.

— Кто здесь?! Выходи! — раздался громкий, напряжённый голос Димы. Он двигался точно в её сторону. Саша затаила дыхание и, пригнувшись, бесшумно скользнула за густой куст сирени. Каждая секунда была на счету. Если майор поймает её здесь, с поличным, он не просто устроит скандал — он запрет её в камере или отстранит от любой работы, разрушив единственный шанс поймать убийцу. Используя знание оперативной тактики, Александра дождалась, пока луч света Димы уйдёт вправо, и быстрой тенью бросилась к дальнему выходу из парка. Через минуту она уже ловила попутную машину на безлюдном шоссе. Вернувшись в свою пустую квартиру, Саша выложила на стол страшную находку: вырезку ростовской газеты с вырезанным лицом Насти и зловещую надпись «ЖДАЛ ТЕБЯ». Рядом легли распечатки из архивов Рязани и Ростова. Теперь у неё не оставалось сомнений. Она — главная цель. Но это также было её главным преимуществом: маньяк хочет игры, и она даст ему эту игру.

Геннадий

День распределения выпускников химико-биологического факультета напоминал шумную ярмарку нереализованных амбиций. Студенты в мятых пиджаках сутились у стендов с объявлениями, спорили в коридорах и наперебой обсуждали вакансии в частных фармацевтических компаниях. Все гонялись за высокими зарплатами и уютными офисами в центре города. Геннадий Рыков стоял в стороне от этой суеты, прислонившись к мраморной колонне. На его груди тускло поблёскивал значок отличника учёбы, а на лице застыло мёртвое, отрешённое спокойствие.

В деканате его ждали с распростёртыми руками: заведующий кафедрой лично пророчил Рыкову блестящую карьеру в академической науке и настойчиво звал в аспирантуру. Но у Геннадия были совершенно иные расчёты. Научная рутина в четырёх стенах института его абсолютно не интересовала. Ему требовалось нечто большее — идеальное прикрытие, полная свобода передвижения и законный доступ к специфическим ресурсам. На столе у приёмной комиссии лежал пухлый список государственных ведомств. Рыков подошёл к столу, прошёл мимо пёстрых буклетов коммерческих гигантов и замер перед скромным, серым бланком. «Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и экологического контроля».

Заведующий кафедрой удивлённо сдвинул очки на лоб: — Гена? Ты уверен? Тебя берут в главную фармлабораторию региона, там отличные подъёмные! А тут — рутинная госслужба, нищенский оклад на старте и бесконечные командировки по областям. Зачем тебе это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.